

МЫ ВЕРНУЛИСЬ В ПЕРМЬ И ПОЧУВСТВОВАЛИ КАК-ТО ОДНОВРЕМЕННО, ЧТО НЕ УДЕРЖИМСЯ ЗДЕСЬ, НЕ СМОЖЕМ СОСТОЯТЬСЯ ТВОРЧЕСКИ

ством — ну, то есть перед университетом (как-никак я успешно руководил университетской театральной самодеятельностью) — меня не выгоняли, и я даже умудрялся сдавать сессии, дотянул до конца и получил диплом об окончании физфака, хотя к этому времени уже твёрдо знал, что никаким физиком не буду. Помню свой разговор с Григорием Зиновьевичем на одном из зачётов. Он меня знал хорошо и как-то почеловечески мне симпатизировал. Он спрашивает: «Ну, честно скажи, будешь физиком?» — «Не-а». Он рукой махнул и зачёт мне поставил. Я не хитрил, не обманывал, не выдумывал ничего... Я понимал, что физиком не буду.

Когда мы все отучились, многие из нас после университета дружно попали в армию: военная кафедра, звание лейтенанта, долг... Мы знали заранее, что так будет, и спокойно к этому отнеслись. У всех по-разному служба сложилась. Я служил в Перми на Бахаревке, Толя Королёв оказался в Чебаркуле, Лёня Юзефович — аж в Бурятии, он там буддизмом увлёкся, а Юра Якименко вообще в Уссурийском крае. Нас всех, как я смею подозревать, активных ребят, старались разъединить. Но мы потом снова нашли друг друга!

Энергия отталкивания

Мы вернулись в Пермь и почувствовали как-то одновременно, что не удержимся здесь, не сможем состояться творчески. Знаете: «Птицы вместе стали собираться в тёплые краешки!» На рубеже 1970–1980-х годов начался исход.

ЗАКОНОМЕРНО, ЧТО МЫ ОТСЮДА СВАЛИЛИ, И ЗАКОНОМЕРНО, ЧТО МЫ ВЕРНУЛИСЬ

У каждого из нас были собственные внутренние причины: у ребят-филологов не очень складывалось с литературными публикациями, кто-то просто не мог найти в Перми работу, не видел будущего, у меня закрыли подряд несколько театральных проектов... Мои университетские театры — первый, второй и третий — они были как студии МХАТ: один закрывался — я открывал новый. Я думаю, что где-то к концу 1970-х мы уже созрели, чтобы уехать.

В Перми в то время была какая-то мрачная ситуация, яма такая энергетическая.

Мы большой группой снялись. Я, Валера Некрасов, Серёжа Скворцов поступили во ВГИК, у ребят, избравших литературную стезю, состоялись первые публикации в Москве... В течение двух лет разъехалась вся генерация. Остались единицы: Володя Винниченко с Татьяной Тихоновец, Нина Горланова, Володя Пирожников...

Не насовсем

Но Пермь насовсем не отпускает. В те годы была энергия отталкивания, но с возрастом плохое забывается. Сохраняется в памяти лучшее: наши ночные прогулки, разговоры на кухнях, мы ещё и жили практически по соседству: я, Толя Королёв, Лёня Юзефович с Аней Бердичевской... Какие-то приятные вещи. Кроме того, изменилась ситуация! Мы уезжали от дурного советского начальства, от идиотов провинциальных, которые хуже, чем столичные. Это всё рассосалось. Произошла смена поколений, многие люди, которые нам были неприятны, просто поумирали...

Мы все как-то выплыли. Никто из нас в Москве не потерялся, мы оказались вполне конкурентоспособными. Мы состоялись профессионально, стали фигурами, обрели имена. На протяжении многих лет я приезжал в Пермь, чтобы зайти к родителям, увидеться с сестрой и с парой друзей. Но постепенно здесь стали возникать какие-то интересные начинания, интересные компании, действительно интересные предложения. С Павлом Печёнкиным я познакомился не в Перми: он подошёл ко мне в Амстердаме на фестивале... Так произошло моё возвращение в Пермь.

Закономерно, что мы отсюда свалили, и закономерно, что мы вернулись. Вернулись в другом, конечно, качестве. Как будет дальше — посмотрим. Но сейчас и Лёня Юзефович с удовольствием приезжает, и Толя Королёв был здесь совсем недавно. Я помогаю, чем могу, «Флаэртиане» и иногда снимаю здесь кино. Я считаю, что пермские фильмы не случайно оказались в моей фильмографии. Наденюсь, что ещё здесь что-то сделаю. ■